

Эпизоды Фантастического Характера

том первый, предпоследний
с комментариями Ханса Кристиана Андерсена

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Глеб Васильев

18+

Глеб Андреевич Васильев

Эпизоды Фантастического

Характера: том первый

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39409440

SelfPub; 2018

Аннотация

Эта книга – разноцветная мозаика из фантастически смешных, страшных и странных историй. Действие разворачивается в Древнем Египте, Сенегале, Викторианской Англии, Москве 3000-го года, на планете Альтаир-4 и в других уголках Вселенной. Страницы первого тома населены троллями, космическими десантниками, говорящими жабами, паладинами, зверями-киборгами и существами повышенной невероятности. Комментарии к эпизодам любезно составил один из главных сказочников всех времен и народов – Ханс Кристиан Андерсен. В оформлении обложки использовано изображение «Эпизоды Фантастического Характера». Автор Васильев Г. А. Содержит нецензурную брань.

Эпизоды Фантастического Характера

**том первый, предпоследний
с комментариями Ханса Кристиана Андерсена**

Предисловие от автора

Дорогой друг!

Мир Фантастики – это безграничный, вызывающий, будоражащий, всепоглощающий, воплощающий самые смелые и необузданные желания э... мир. Да, пожалуй, точнее и не скажешь.

Ну, то есть, это я точнее не скажу. Но, к счастью для меня, которым овладел приступ восхищенной немоты и бессловесного благоговения перед величием неисчерпаемого Мира Фантазии, есть другой человек – мастер словесности, которому я с готовностью и спокойным сердцем могу передать слово. Ханс Кристиан Андерсен! Этот верный подданный Датской Короны и эмиссар Сказочной Галактики на превращении руды повседневной рутины в бриллианты фантастических образов не только собаку съел, но и, в отличие от меня, язык при этом не проглотил.

Ханс Кристина или Ганс Христиан, как его зовут не самые близкие друзья, как никто другой умеет отливать из подножного мусора, которого всегда и везде полным-полно, а

именно – боли, страданий и унижений – такие образцы сказочного совершенства, как «Гадкий утенок», «Стойкий оловянный солдатик», «Русалочка» и так далее. Да одна только «Снежная королева» чего стоит! Если бы не «Снежная королева», медийные мега корпорации доедали бы последний хрен без уксуса, Дисней лишился бы «Холодного сердца» и притянутых им миллиардов, а студия Артемия Лебедева никогда бы не выпустила набор формочек для льда, позволяющих при помощи бытового холодильника сморозить слово «ВЕЧНОСТЬ».

«Да, Андерсен, конечно, крут, но он умер в 1875 году» – скажут мне эрудированные читатели и Википедия. «Ха!» – отвечу я. А потом, воспользовавшись замешательством, вызванным моим внезапным и дерзким «Ха!», я укреплю свою позицию, заявив уверенно и безапелляционно – «Ха-ха-ха!». В Море Фантастики живы ВСЕ! Какого мертвеца ни возьми, он либо зомби, либо вампир, либо ходячая мумия растревоженного Египетского фараона, либо призрак – бестелесный, но дико активный. А чем Ханс Кристиан хуже?! То-то и оно – он не хуже, а гораздо лучше.

Можно долго превозносить Андерсена и перечислять его преимущества перед другими кандидатами на роль комментатора для этой книги. Можно вспомнить, как нелегко был его земной путь, и как мало радости выпало ему – главному Микки Маусу девятнадцатого века. Можно даже озаботиться неоднозначностью его сексуальности. Но я решительно и

бесповоротно не стану этого делать. Хотя бы потому, что все остальные кандидаты комментировать начинку этой книги отказались наотрез. И когда я говорю «все», я имею в виду конкретно ВСЕХ – единорогов, хоббитов, сталкеров, буйные подземные аномалии, синеоких воительниц, детей-волшебников и троллей. Даже ТРОЛЛИ отказались!!!

Но, признаться, я рад такому повороту. Ханс Кристиан Андерсен – лучший. Он просто лучший. И не «лучший из того, на что чудила вроде меня мог рассчитывать», а именно что ЛУЧШИЙ. Но это точка. Ну, не вообще точка, а точка в этом предисловии. Ханс Кристиан, дружище, тебе слово. Да. Вот теперь точка. В этом предисловии, я имею в виду.

Здравствуйте, неведомые потомки! Спешу уточнить – не мои прямые потомки, так как у меня самого с потомками не сложилось, но... Нет-нет, я ни в коме случае не напрашиваюсь на жалость. Более того, знавал я людей, которые обзаводились отпрысками, и – что тут сказать? – увы... Увы им, а не мне, разумеется. Тут даже вообразить сложно, как бы я сумел не повредиться рассудком, если бы всю мою жизнь меня звали Хансом, а тут вдруг раз и – «папа». Так и до раздвоения личности недалеко. А сказки? Детям сказки так и подавай! Каждую ночь на сон грядущий – будь любезен. Смог бы я сочинить столько сказок, сколько дней в году? При всем моем таланте и плодотворности, едва ли. Стало быть, мне бы пришлось читать СВОИМ де-

тям ЧУЖИЕ сказки! Даже подумать об этом страшно. Нет, нет и еще раз нет, благодарю покорно. Пусть чьи угодно дети выслушивают от своих родителей побасенки того сорта, какие приведены, в частности, и в этой книжке, но только не урожденные Андерсены. «Затерянный мир» – в одном только названии полнейший оксюморон. Затерянными могут быть булавки, ключи от комода, оторвавшиеся пуговицы или, на худой конец, щенки болонки. Но затерять целый мир – это уже ни в какие ворота здравого смысла не лезет. Сдается мне, что автор затерял свой разум. Впрочем, смею надеяться, что помутнение, постигнувшее его, было временным. Иначе увы мне, согласившемуся комментировать ЭТО.

Сказка №1: Затерянный мир

Свернув с Хорошевского шоссе под железнодорожный мост, проехав по заросшей чертополохом тропинке, отыскав тайный въезд, крошечным серпантином взбирающийся в гору, я оказался у красно-белой полосатой преграды, за которой начинался Затерянный Мир.

– Пропуск, – сурово потребовал золотозубый агатовый тролль, при моем появлении выбравшийся из еле приметной пещеры возле преграды.

Какой пропуск? Старик, давший мне координаты Затерянного Мира, ничего не говорил на счет пропуска. Гемати-

товые глаза тролля зловеще блеснули в щелках черных век. Главное не паниковать.

– Номер 421, – как можно спокойнее ответил я, стараясь не встретиться взглядом с троллем. Старик уверял меня, что этого пароля будет достаточно.

– Пропуск, – повторил тролль.

Черт! Пропуск ему подавай. По словам Старика, сам он много раз бывал в Затерянном Мире, обходясь без всяких пропусков. Может, с тех пор стражник сменился? Ладно, тролль хочет пропуск – тролль его получит. Нашарив в бардачке карандаш и блокнот, я вырвал листок и написал на нем «пропуск N421». – Вот, пожалуйста.

Тролль посмотрел на протянутый блокнотный листок, кивнул и разжал кулак, в котором оказался матово-черный амулет. Стоило троллю дотронуться когтем до амулета, как полосатая преграда поднялась вверх, открывая мне дорогу в Затерянный Мир.

Преодолев крутой подъем, я оказался на развилке – насколько хватало глаз, по левую и правую руку тянулись вереницы одинаковых дольменов, выкрашенных зеленым. Вход в каждый дольмен закрывал камень с намалеванным номером. 519, 232, 6, 41 – никакой логики в нумерации мне увидеть не удалось. Как же найти четыреста двадцать первый? На то, чтобы исследовать всю территорию, могли понадобиться многие часы. Что до интуиции, то ее у меня никогда не водилось. Не полагаясь ни на что, я выбрал тот путь, что лежал

справа.

Гравий хрустел под колесами моего катафалка. Стая псов, рвавшая в стороне кровавую тушу, оскалившись, проводила меня злобным рычаньем. Некоторые камни, закрывавшие входы дольменов были откочены, в темных провалах внутреннего пространства влажно поблескивали глаза. Они следили за мной. Здесь я был чужаком.

Загипнотизированный зловещей тишиной Затерянного Мира, нарушаемой лишь шелестом моих колес и тихим рыком псов, оставленных позади, я вздрогнул и резко ударил по тормозам, услышав пронзительный голос: «Даааай руку мне!». Я замер, затаив дыхание. «Здесь лишних нет! Время меняет тишину на цунами. Если ты будешь с нами рядом, Силам беды не сбить тебя с ног!». Песня. Определенно, это была одна из тех боевых эльфийских песен, что я слышал в детстве, когда ворота параллельных миров сами открывались передо мной. Немного успокоившись, я огляделся. Голос доносился из крытой телеги, под капотом которой что-то сосредоточенно разглядывал высокий светловолосый эльф. Тут же, в нескольких шагах от телеги стоял дольмен, неотличимый от прочих ничем, кроме номера 421, начертанного на камне.

Произнеся короткое заклинание зачистки (мало ли, какая дрянь могла завестись в дольмене за время отсутствия хозяина), я достал Серебряный Ключ Старика и дотронулся им до камня. Со скрежетом и тихим гудением, подминая под

себя стебли некошенных трав, камень откатился и замер. То, что открылось моему взору, ужасало. Конечно, я знал, как выглядят классические колесницы коробчатого поперечного сечения. Но эта! Покрытая толстым слоем кирпично-рыжей пыли, троллевым пухом и перьями одуванов, она, стоявшая на прокушенных Уроборосом колесах, казалась глиняным надгробным холмом. Все пространство вокруг колесницы занимали трофеи Старика. Раскисшие и рассохшиеся полки и тумбы, части неизвестных механизмов, тряпье, гномьи коляски, заступы и кирки, сваленные кучей гримуары, разбитые зеркала – весь этот хлам, по которому огненными слезами плакал Ородруин, плотно стискивал бока колесницы.

Преодолевая тошноту, наскоро смахнув с капота пыль и иссохшие хрупкие трупки мелких цветочных фей, я откинул кожух и узрел сердце колесницы. Сто двадцать кубических дециметров. Оживить его? О чем я только думал?! Какой из меня некромант? Тем не менее, отступить не хотелось. Расположив возле сердца заранее купленный Энергетический Куб и подсоединив его клеммы к жилам колесницы, я достал Никелированный Ключ Старика. Глаза колесницы распахнулись, слепо глядя прямо перед собой. Призванный поворотом ключа, Демон Старта пробудился. Взревев, он дохнул пламенем в сердце колесницы, но его дыхание оказалось тщетным. Именинные Свечи! Точно! Старик предупредил меня о том, что с наступлением нового тысяче-

тия они выгорают. К счастью, комплектом новеньких – эльфийской работы – Именинных Свечей я запасся. Но радость была недолгой. Заклинаний и силы пальцев оказалось недостаточно, чтобы Именинные Свечи встали на свои места. Конечно, эти эльфийские штучки голым энтузиазмом не возьмешь – им нужен Свечной Ключ. Я выругался. Чертовски обидно признавать поражение из-за такого пустяка. Одолжить Ключ у того эльфа, что ковырялся возле крытой телеги? У него-то подобный артефакт просто обязан быть.

Выйдя из дольмена, я выругался еще раз – эльфа и его телеги уже и след простыл. Черт! Но что это? Вход дольмена напротив оказался открыт. Изнутри доносились звуки рекламного шоу и приглушенный хохот. Орки. Что ж, как бы сильна ни была моя нелюбовь к ним, счастья попытаться стоит. Погладив в кармане легкий складной армейский швейцарский меч, я заглянул в логово орков. За складным столиком перед телевизором сидело трое – один в пиджаке и шортах, орк постарше, о чем говорили татуировки, покрывавшие его лицо, плечи и икры, и два помоложе, в спортивных плащах и шлепанцах. У стены стояла металлическая двухъярусная кровать, рядом раскладушка. Действительно, снимать дольмен в Затерянном Море значительно дешевле, чем комнату в Городе. Орки курили болиголов, пили змеиную настойку и синхронно похихатывали, следя за происходящим на экране телевизора.

– Добрый вечер, – три пары глаз обратились на меня. С ор-

ками всегда так – в их взгляде никогда не читается ни враждебности, ни дружелюбия. Смотрят своими рыбьими гляделками и поди догадайся, что у них на уме. – Извините за беспокойство. У вас не найдется Свечного Ключа?

– Свечного? – старший орк будто бы задумался. – Был где-то. Мы в этот дольмен недавно переехали, еще не все разобрали.

Я усмехнулся про себя – где это видано, чтобы орки наводили порядок и что-то там разбирали.

– Все равно спасибо. Пойду, еще у кого-нибудь спрошу, – радуясь, что ни на что не нарвался, я вернулся к колеснице. Она по-прежнему вселяла в меня ужас. Запыленные зеркала отражали Тескатлипоку. Педали встроенного органа залипли и торчали колями, рычаг переключения кнута болтался на расхлябанной кулисе, передние сметки и правый подмигиватель не слушались. К лобовому пузырю изнутри клеилась табличка «В Валгаллу», к заднему – «В Миктлан».

– Ну что, раскочегарил? – хриплый голос, прозвучавший возле самого моего уха, принадлежал старшему орку. Разглядывая колесницу, он задумчиво постукивал себя когтем по торчащим из-под губ клыкам.

– Да вот все никак.

– Вот тебе Ключ, нашел, – как это ни удивительно, то, что протянул мне орк, действительно оказалось Ключом для Именинных Свечей.

– Спасибо!

– Ты что, колесницу продать хочешь?

– Нет. На колеса поставить, – неловкому каламбуру орк не усмехнулся.

– А то смотри, хорошая колесница, много золота можно получить, – орк погладил грязный бок развалюхи Старика. – Какого она века?

– Семьдесят восьмого. Уж тридцать веков старушке.

– 2101?

– 21011.

– Угу, – орк уважительно кивнул. – Если захочешь продать, скажи. Это ведь Старика колесница?

– Его самого.

– Что с ним?

– Да нормально все, жив, здоров, девятый век разменял, на «Оке» теперь ездит.

– Ты внук его что ли?

– Да.

– Понятно. Давай-ка, глянем, что там с сердцем и потрохами.

Подтянулись молодые орки. Не дожидаясь приглашения, они с удовольствием погрузили свои когтистые лапы в мясо колесницы, дергая за жилы, подкачивая зелья и прислушиваясь к щелчкам нервов. Стоя рядом, я наблюдал за их действиями и удивлялся той аккуратности и нежности, с которой они дотрагивались до развалюхи.

– Ты бабушку проверял?

– Э...

– Бабушка не искрит, – в конце концов заявил мне старший орк. – Умерла тут бабушка. Вот приехал бы пораньше, мы бы на рынке новую старуху сыскали. Сейчас-то, на ночь глядя... А так ничего, оживет твоя колесница, раскатаем ее, не бойсь, сердце у нее что надо.

Возвращаясь из Затерянного Мира я думал, какой он все-таки странный. Насколько сильно отличается от Города. Этакий джентльменский клуб, убежище героев, эльфов, гномов и орков, в которое вход женщинам заказан. Здесь, поздоровавшись и попросив какой-нибудь пустяк, вроде Свечного Ключа, можно получить непрошенную помощь. Можно узнать о том, что живые бабушки должны искрить. А если принести с собой бутылочку змеиной настойки, то и вовсе стать другом любому существу. Здесь всегда пустынно, небо серо, дольмены одинаковы, а стая вечных церберов неизменно рвет плоть одного и того же грешника. Тут ничего не меняется на протяжении тысячелетий, что бы ни происходило в Городе, какие бы катафалки ни входили в моду. Сюда приходят в поисках вечной жизни и надежды на перемещение, но находят лишь покой и умиротворение. Как только раздобуду новую бабушку и легкие (те, что были, выглядят так, будто их рвали церберы – черная вата наружу, в волокна застряли останки мелких фей), обязательно вернусь сюда. Главное – не привыкнуть, не стать рабом этого Мира.

Огонь – если признавать его за материю – материя весьма притягательная. Он красив, игрив, переливчат и неоднозначен, как суть человеческого характера. С одной стороны, человеку надлежит согревать ближнего своим теплом, дарить ему уют и горячую пищу. С другой же стороны, мы нередко видим, как часто люди сжигают все мосты и связи между собой и окружающим миром и сами сгорают в бушующем пожаре собственного мятущегося нутра. Это печально, драматично и одновременно прекрасно. Когда зажигаешь желание на зажженную спичку, нужно непременно удерживать ее до того мига, когда язычок пламени начнет лизать кончики пальцев. Иначе желание никак не сбудется – только через боль ожога. Но саламандра – ящерица... Мало Господь создал тварей более отвратительных, нежели рептилии. Саламандра суть та же огненная гадюка или даже жаба. К чему избирать огненной метафорой столь мерзкую тварь со стылыми глазами и прохладной жижей вместо крови? Другое дело – птица феникс! Минус самолюбование, скажу, что о себе я нередко говорю в таком ключе – «златоперый феникс, восставший из пепла своей сгоревшей юности».

Сказка №2: Саламандра

Мне снилось, что мое тело стало прозрачным – тонкая целлофановая оболочка, наполненная водой, в которой оди-

ноко плавают рыбка-простуда. Рыбка подплывает к моим бесцветным губам и целует их изнутри, пуская рябь по натянутому целлофану тела.

Проснувшись, я понял, что сон был мне в утешение. Навью мое тело оказалось косо скроенным и криво сшитым мешком из асбестовых лоскутов, наполненным не ключевой водой, но душистыми конскими каштанами и запеченным в углях картофелем. Я чувствовал, как угли продолжают тлеть и потрескивать в животе, легких и глотке. Сквозь мешанину каштанов и картофеля, распаляя угли, прогрызала себе дорожку огненная саламандра-простуда. Приблизившись к внутренней стороне моих губ, она не поцеловала их, но вцепилась жаркой зубастой пастью, заставив меня зайти в приступе безжалостного кашля. На платке, которым я прикрывал рот, проступили пятна алого. Саламандра-простуда глупа, но не настолько, чтобы не найти лазейку из носоглотки дальше к мозгу. Я знал, что толстые слои войлока и ваты, защищающие мозг, не смогут ее остановить. Еще немного и для меня все будет кончено.

Превозмогая боль внутреннего пожара, который не могли потушить кровоизлияния от укусов саламандры, я поднялся с постели. Трясаясь в ознобе, подошел к зеркалу и отпрянул, ужаснувшись видом отражения. Я увидел себя отлитым из голубоватого стекла, полным ледяной крошки, в которой, шурша чешуей, извивался черный василиск-простуда. Я чуть было не поверил этому обману и не вернулся, под

одеяло в надежде согреться. Но глаза обманывали меня, очутившись во власти саламандры. Саламандра пыталась убедить меня в том, что я замерзаю, что я – стекло и лед. Подбросить дров в камин, укутаться в плед, усилить жар, обливаться потом снаружи, сгорать изнутри – вот чего от меня добивалась огнедышащая простуда. Она пошла на уловку из страха, значит, чувствует слабость. Я расхохотался. Меня не проведешь! Слышишь, безмозглая ящерица?!

Не сдерживая хохота, побежал по дому, распахивая двери и разбивая стекла во всех окнах. Как тебе это нравится, огненная дура? Не слишком жарко? Морозный воздух густыми потоками втекал в дом, в голых оконных проемах закружились серебристая снежная пыль. Взял кочергу, выгреб из камина все угли и растоптал их босыми ногами. А так тебе хорошо, тупая головешка? Выскочил на улицу, спотыкаясь, по заснеженной дорожке подбежал к колодцу, примерзая ладонями к стальному вороту, вытащил ведро воды и принялся пить, захлебываясь смехом. Что это там шипит, саламандра? Не твои ли угольки?

Я перестал чувствовать боль, жар и холод – саламандра издыхала, ее чары рассеивались. Упав спиной в сугроб, я наблюдал, как облачка пара от моего дыхания таят в бездонной лазури морозного неба. С каждым выдохом облачка становились все тоньше и прозрачнее. Наконец, воздух над моим лицом перестал дрожать от дыхания.

Издаലെка, как будто из сна, виденного в детстве, до меня

донесся перезвон бубенцов. Звук приближался, к нему добавился скрип снега под полозьями саней, всхрапывание лошадей.

Вздых испуга и твое лицо, вставшее между мной и небом. Какое чудное виденье. Ты склонилась так низко, что твои огненные волосы коснулись моих щек. Но я больше не боюсь огня, я победил саламандру.

Рыцарство мертво – об этом твердил еще Шекспир. И по этому поводу я испытываю самые искренние сожаления. Все же, Вильям Шекспир для своей эпохи был личностью весьма авторитетной. Если бы он, вопреки своим предрассудкам, бурно возрождал рыцарство словом, то, как знать, возможно оно бы и не усло. А так-то простой народ, приняв на веру слова «мудреца», радостно взял, да и похоронил сию благородную и замечательную вещь. Порою мне грезится Шекспир, выводящий нервно обгрызенным гусиным пером слова «рыцарство живо и процветает». Вот тогда, я чаю, все бы и по сей день, века спустя со времен Шекспира, воочию могли бы убедиться, насколько великолепен рыцарь Ханс Кристиан! Перед моим благородством не устояла бы ни одна дама, не говоря уж о джентльменах. Эх, мечты, мечты... Но, справедливости ради, я вынужден отметить, что еще хуже Шекспира с рыцарством обошелся Сервантес. Дон Кихот – это же умудриться надо было прописать такого нелепого, нескладного и жалкого во всех отношениях

рыцаря. Тощий, потасканный, долговязый и долгоносый – ну уж нет, таким рыцарем я быть отказываюсь наотрез. И даже не упрашивайте. Так что, может статься, и лучше в итоге, что рыцарство мертво.

Сказка №3: Паладин Закупок

Однажды король Торговой Фирмы призвал подданных и велел им присягнуть в вечной верности Торговой Фирме и ее королю. Мудрая герцогиня Кадров, отважный граф Маркетинга, верховный рыцарь Коммерции, безупречный принц Логистики, великий мастер Безопасности, велеречивый барон Финансов, ветреная дама Развития и смуглая леди Продаж безропотно преклонили колени и дали торжественную клятву до последнего вдоха служить королю и защищать Торговую Фирму. И только своенравный паладин Закупок поднял дерзкий взор на короля и сказал: «Вот еще! До последнего?! Нет уж, я под этой авантюрой подписываться не стану. Если ваша Торговая Фирма даст течь и пойдет ко дну, да упасет вас от этого ангел Страховки, я не собираюсь тонуть вместе с ней. Многие вещи гораздо эффектнее выглядят со стороны, так что я предпочту наблюдать ваше погружение с берега».

Забурлила в ярости кровь благородного короля от дерзких слов паладина. «С берега?!» – завизжал тишайший повелитель Торговой Фирмы. – «А со дна с камнем не шее понаблю-

дать не хочешь?!». «Не хочу», – честно признался гордый паладин Закупок. – «И вообще, я так понимаю, пора мне покинуть гостеприимный борт вашей подводной лодки». «Во-оооон отсюда!!!» – взвыл добрейший король, но тут же подлая герцогиня Кадров, гнусная леди Продаж и мерзостный барон Финансов принялись нашептывать ему на ухо речи, полные яда. «Погоди», – выслушав злобных наушников, король обратился к мужественному паладину Закупок, – «Рад бы я тебя пустить в свободное плаванье, да надо о пользе государства думать. Вот уж год к концу близится по Финансовому Календарю, а должники Торговой Фирмы что-то не торопятся должок платежом красить. Недосчет в казне имеется – ни много, ни мало – миллион. Соберешь с должников миллион до наступления счастливого дня Подачи Налоговых Деклараций – будь по-твоему, отпущу тебя. Да не с пустыми руками – еще пособие выходное дам щедро и компенсацию за отпуск недогулянный начислю. Если же хоть копеечку требовать и вернуть не удастся, пеняй на себя. Сгорит Книга Трудов твоих огнем проклятия профнепригодности, пьянства при исполнении и нарушения дисциплины – все с печатями синими. Отправишься ты в застенки на века вечные – за мздоимство, кражи хитительские и заговор против государства нашего, Фирмы Торговой».

Понял паладин Закупок, что решили крючкотворы придворные сгубить его. Да куда деваться? С королем не поспоришь. Кивнул паладин сдержано королю в знак поверхност-

ного уважения к иерархической структуре Торговой Фирмы, развернулся и пошел долг миллионный вызволять.

Пришел паладин к замку первого должника. Стучит в ворота кулаком могучим, кричит: «Открывай, должник, ворота, да для государя Торговой Фирмы готовь банкноты». Выглянул должник из высокой башни, плюнул на голову светлейшего паладина шелухой семечковой и сказал: «Уважаемый партнер! В связи со сложной финансовой обстановкой на внутреннем и внешнем рынках, а также по причине длительного срока конвертации полученных мною сумм, прошу вас иметь в виду, что оплата долга переносится на сорок шесть недель после счастливого дня Подачи Налоговых Деклараций. Благодарю за понимание». Сказав это, должник скрылся в башне и больше на зов паладина не отвечал. Опечалился паладин, да делать нечего. Направился к следующему должнику.

Дошел паладин до особняка второго должника, позвонил в колокольчик дверной, крикнул покриком молодецким: «Эй, должник, выходи! Деньги Торговой Фирмы выноси!». Приоткрылась дверь на маленькую щелочку, а из щелочки голосок: «Добрый день. Мы готовы погасить задолженность и подписать акт сверки взаиморасчетов в том случае, если Торговая Фирма оплатит неустойку, возникшую в связи с месячным простоем нашего галеона на таможенном посту, каковой имел место в год десятый Дофинансовой Эры, о чем мы неоднократно информировали Торговую Фирму.

Прежде, чем сумма неустойки будет зачислена на наш счет в яхонтовой валюте, мы, к сожалению, ничего не можем предпринять. Священный Кодекс нашего финансового департамента строго воспрещает производить денежные операции с должниками. С уважением». Дверь перед паладином закрылась, и сколько он ни стучал, сколько ни кричал, так ничего и не добился. Еще больше суровый паладин пригорюнился. Да нет толку вздыхать. Побрел, нос понуро свесив, к последнему должнику.

Последний должник жил высоко в горах, в огромной пещере. Вошел отважный паладин в пещеру, увидел должника, за столом дубовым пирующего, и сказал: «Здравствуй, миленький дружок. Возвращать пора должок». Поднялся должник из-за стола – сам как гора, кулаки, как молоты кузнечные. «А доховор хиде?» – спросил должник, над паладином грозно нависая. – «Нету доховора? На слово веришь, долх чужой поминаешь, денех хочешь?». Набросился должник на паладина, избил его, изломал, заточку в бок воткнул и из пещеры в пропасть сбросил.

Лежит еле живой паладин Закупок на дне пропасти, кручинится, себя за нрав несговорчивый ругает, жизнь свою непутевую проклинаят. Придется к королю Торговой Фирмы с пустыми руками возвращаться, сгорит Книга Трудов печатями синими, сгниет паладин в застенке.

Прежде, чем к королю идти, зашел паладин в свой блог, который с малолетства вел. Он тот блог подобрал на за-

дворках сетевых из жалости. Тощий был бложег, паршивый, блохастый настолько, что даже тупые боты в комментариях срать брезговали. Но паладин блог вычистил, текстами накормил, мемасиками выходил, фоточками прикольными украсил – одно загляденье. Написал грустный паладин Закупок в блоге тоски пост, с френдами попрощался – не поминайте лихом, камрады добрые. Только собрался паладин из блога выйти, как тот говорит ему через гарнитуру голосом скайповским: «Не горюй, добрый молодец. Помогу я тебе, как ты мне помог. Иди, харю умой, дырку в боку пластырем залепи, да спать ложись. Утром тебя возле подъезда два человечка суровых ждать будут. Ты их не стремайся – свои отморозки, со всей душой тебя из беды выручат». Удивился паладин речам блогowym, но послушался.

Выходит следующим утром паладин из дома, а у подъезда и впрямь карета полноприводная с номерочками блатными, лошадьми тонированными запряженная. А в карете – два мужичка хмурых, каждый поперек себя шире. Говорят мужички: «Рассказывай, фраерок опущенный, кто рамсы попутал». Боязно стало паладину, но вспомнил он, что блог говорил, успокоился. Рассказал мужичкам волшебным про должников, неплательщиков зlostных. Кивнули отморозки и исчезли, как сквозь землю провалились. Не успел паладин глазом моргнуть, а мужичики снова тут как тут, мешок денег ему протягивают: «Держи, петушило. Лям твой, а коммиссионные мы с должников списали за беспокойство».

Радостный паладин Закупок явился к королю Торговой Фирмы, шмякнул мешком денежным ему прямо по столу рабочему: «На тебе должок. Выполняй уговор!». «Эх», – вздохнул король, – «Жалко такого специалиста терять, молодого, перспективного. Да уговор почти так же дорог, как деньги. Ну, конечно, не так дорог, но все же». Отпустил король паладина, Книгу Трудов в целости и сохранности вернул. Но с выходным пособием, разумеется, обманул. Только и наш паладин находчивый в долгу не остался – на ковер в приемной жвачку сплюнул и дырокол со стола секретарши с собой прихватил.

Тут и сказке конец. Дальше чистая правда.

Вернулся паладин к себе домой, в блог с благодарностью залез. Обернулся тут блог девицей красоты невиданной. Очень это паладину понравилось. С тех пор он всегда о виртуальных романах исключительно положительно отзывался.

Ложь. Задумывался ли кто-нибудь из людей о том, что это такое – ложь? Попытка нарядить себя в выгодную маску и иллюзорную броню? Шанс ускользнуть от ответа за злодеяние? Убежище, в котором можно пережидать штормы невзгод, которые сулят людские страсти? Отточенный инструмент для достижения лакомого кусочка? Низжайшая степень грехопадения? Уподобление Дьяволу – признанному Отцу лжи? Да, пожалуй, что именно такова и

есть суть лжи. Но тогда в чем суть правды? Говоря иначе, что есть правда, как не отсутствие лжи? Но насколько же это неизящно! Давеча пытался сочинять кроссворд. По буквам отлично вписывалось слово «правда». Но вот как обозначить вопрос, ответом на который была бы «правда»? Черт бы подобрал эту правду, в самом-то деле! Никакого в ней прока, Господь мне свидетель.

Сказка №4: Сладкая правда

У одного мальчика совершенно не получалось врать. Мальчик пытался, но все, что он говорил, сразу становилось правдой.

Идет однажды мальчик по улице, а ему навстречу одноклассник.

– Привет! – говорит одноклассник.

– Здорово, рад тебя видеть, – отвечает мальчик. Ну врет же! В гробу он этого придурка видал. Ан нет, чувствует – действительно рад, даже как будто соскучился по уроду.

– Пива хочешь? – спрашивает одноклассник.

– Конечно, хочу! – отвечает мальчик. А сам-то мечтал о том, как придет домой, порнушку скачает, попкорна в микроволновке наделает и проведет приятный вечер в одиночестве. Стало быть, солгал паршивец? Так ведь нет же, мысленно слово «пиво» повторил – и аж слюнки потекли, как бутылочку прохладного пенного захотелось.

– Не против, если я Маринку приглашу? – продолжает давать урод.

– Пожалуйста, я только за, – говорит мальчик. Ясное дело, что от одного вида Маринкиной прыщавой морды его блевать тянуло. И вообще он ее всегда считал жирной глупой сукой. Только сейчас, оказывается, действительно против ее общества не возражает. Может, поднажрется Маринка, поболеет и даст. А что, для открытия счета да с пивком – покатит.

Посидел мальчик с одноклассником и Маринкой в парке на скамеечке, пива попил, чипсов поел – хорошо ему стало. Маринка и впрямь подобрела, да и темнеть начало – прыщей почти не видать. Оставив одноклассника сторожить ее сумку, Маринка мальчика в кусты затащила и дала. Совсем бы мальчику тут хорошо сделалось, только Маринка неожиданно так мальчика за мошонку хватает и в ухо дышит жарко и вопросительно: – ты меня любишь?

Мальчик с того оборота растерялся, что сказать не знает. Тем временем одноклассник забеспокоился о собутыльнике пропавшем. Кричит: – чувак, ты где?

– В Караганде! – ляпнул мальчик. И смотрит, что-то вдруг все вокруг переменялось основательно. Ни кустов, ни Маринки. И сам он не в парке, а посреди незнакомой улицы стоит с шириной расстегнутой.

Мальчик срам скукожившийся в штаны заправил, к первому прохожему подбежал, спрашивает: – Извините, где я

нахожусь?

-ушّ اقْزاقْ تُتلى – злобно так прохожий отвечает и рится презрительно.

– Блядь! – горестно воскликнул мальчик.

– Развлечься хочешь, красавчик? – уже по-русски говорит прохожий, улыбается и подмигивает.

– Спасибо, – отвечает мальчик. Тут бы ему язык прикусить, так нет же, несет его дальше: – Как-нибудь в следующий раз.

– Ловлю на слове, пупсик, – сказал прохожий, поцелуем воздушным чмокнул и, виляя бедрами, свалил.

– Так, спокойно, – говорит мальчик сам себе, – никакого следующего раза не будет.

Только он это произнес, как земля под ногами задрожала, асфальт трещинами побежал, из окон стекла посыпались, а потом и дома рушиться стали – обломки во все стороны. Один кирпич возле самого виска мальчика просвистел, второй коленную чашечку больно раздробил. Испугался мальчик, зажмурился, кричит: – этого не может быть!

Дома тут же резиновыми стали – улица ходуном ходит, а домам хоть бы хны, только на месте подпрыгивают и гнутся туда-сюда, людишки из них во все стороны так и сыплются. Под мальчиком тротуар расползся, летит мальчик в провал и орет: – это сон!

Вскрикнул мальчик и проснулся в кровати – сердце колотится бешено, по лицу пот холодный струится. А рядом

с ним одноклассник лежит, голову от подушки отрывает и ворчит недовольно: – Маринка, ты чего орешь? Пять утра, твою дивизию!

– Извини, – шепотом отвечает Маринка, – сон страшный приснился. Будто бы я – это твой школьный дружок-задрот. И я, то есть он с тобой идет пить пиво, а я... Дальше не помню... Казах какой-то, землетрясение...

– Какой еще дружок? – тихонько фыркнул парень. – Я из школы ни с одним мудаком на одной поляне не присяду.

– А... – задумалась Маринка. – Значит, он мне просто приснился.

– Что б тебя с кошмарами твоими! Тьфу! – парень рывком сдернул одеяло с Маринки. – Давай, что ли, трахаться. Один черт уже не усну.

Знаю ли я, что такое страх? О, да. Я имел честь учиться в Эльсинорской школе! И, по роковому стечению обстоятельств, у той школы имелся ректор – воплощение всех кошмаров. Даже на седьмом десятке моих земных годов являлся тот ректор мне в ночных сновидениях, низвергая всякий раз в пучину ужаса, заставляя непроизвольно вскрикивать и пропитывать простыни холодным потом и не только. Этот человек... впрочем, я имею серьезные поводы для сомнений в том обстоятельстве, что сие существо принадлежало к роду Адама. Этот демон, это исчадие ада имело обыкновение в самой уничижительной и циничной фор-

ме КРИТИКОВАТЬ меня! Можно ли поверить в такое? Критиковать МЕНЯ! Нет, я решительно отказываюсь соглашаться с тем, что человек и благопристойный христианин на такое способен. Вильгельм и Якоб, так называемые братья Гримм – их-то никто в жизни не критиковал. И вообще, какое право они имеют на звание королей ужаса? Мало того, что они сами ни единой сказки не сочинили, но и вообще – кого можно напугать побасенкой о волке, поедающем пожилую женщину, и девочке, вскрывающей его чрево при помощи кровожадных охотников? Ах да, про девочку в красном – это Шарль Перро... Но не суть. Что могут знать пресловутые братцы или тот самый Шарль об истинном страхе, коли не довелось им учиться в Эльсинорской школе? НИ-ЧЕ-ГО! Как, к слову, и автор этой книги, явно силящийся пугать читателя сверх скромных своих способностей. Ведь, насколько мне известно, и он в Эльсиноре не бывал даже проездом, не говоря уж о тамошнем школьном обучении.

Сказка №5: Скарриолла Тюбинга

Внешне Костя Тюбинг больше всего походил на банку селедочных консервов – с одной стороны это было мерзко, и с той же стороны (потому что с какой стороны на банку ни смотри, банкой она и останется) не вселяло ни в кого ни малейшего намека на ужас. Костя очень переживал из-за своего вида. Он перешел на диету из томатного супа Campbell's,

но ситуацию с его селедочностью это не изменило. Отчаявшийся Тюбинг был готов на все – стать бульонным кубиком, тубиком зубной пасты, солонкой и даже самым исчадием ада – перечницей. Как это часто случается с отчаявшимися персонажами, светлым воскресным днем в дверь Кости постучался Дьявол. Князь тьмы принял образ вишневого зефира, но пах при этом мятным аэрозолем от потливых ног.

– Ты хочешь, чтобы тебя все любили? – спросил Дьявол. Костя хотел сказать «да», но вместо этого, неожиданно для самого себя, завизжал: – Нет! Я хочу, чтобы меня боялись! Пусть все цепенеют от ужаса, исходят холодным потом, мочатся в штаны, выцарапывают себе глаза и умирают в злых корчах! Я требую расплаты за те взгляды, полные отвращения, которыми они долгие годы уничтожали меня! Хочу стать невыразимым страхом, невообразимым кошмаром.

– Невообразимым? Опаньки... – зефирный Дьявол выглядел крайне смущенным. – Тут, видишь ли, есть одна трудность. Само по себе невообразимое существует, но для всех...

– Иди к черту! – взбрыкнул селедкообразный Тюбинг. – Не можешь исполнить мое желание, так и скажи, зеферюшка фигова.

– Я не говорил, что не могу. Формально очень даже могу, – Дьявол надул розовые пористые щеки.

– Вот-вот, я как раз про форму и толкую, – буркнул Костя.

– Будь по-твоему, – согласился Дьявол. – Только не ду-

май, что мне это приятно. Я вообще-то склонен получать удовольствие, исполняя желания людей без какой-либо личной заинтересованности. А в твоём случае, поверь, радоваться совершенно нечему.

– Нечего мне про мой случай рассказывать! – взвизгнул Костя. – Поварился бы ты с мое в селедочной банке! И раз тебе никакой оплаты не нужно, исполняй желание и проваливай.

– Готово. Теперь ты – скарриолла, – Дьявол сокрушенно пустил волну по своей нежной поверхности и ушел, притворив за собой дверь.

Костя бросился к зеркалу, чтобы проверить слова адского зефира, но как ни крутился, ему никак не удавалось увидеть свое отражение. Не то чтобы он совсем перестал отражаться, просто на этом отражении почему-то решительно не получалось сфокусировать взгляд. Подумав, что подлый демон его обманул, Тюбинг лег спать расстроенным, без ужина и с нечищеными зубами.

С утра, кое-как побрившись и одевшись на ощупь (сколько-нибудь четкое отражение по-прежнему отсутствовало), Костя отправился на работу. При его приближении, дворничиха Устина, похожая на бидон молока с густой жирной пенкой на колючих усах, моментально скисла, створожилась, заплесневела и так и отправилась на тот свет, не выпуская метлу из коротких ручек. «Ничего себе!» – подумал Тюбинг, никак не связав себя и неприятность, случившуюся с Усти-

ной. На трамвайной остановке Костя по привычке поздоровался с шоколадно-загорелой соседкой Варей, ее мужем-кексом Еремой и соевыми батончиками – малолетними близнецами Славой и Гошей. Варя тут же обмякла и стекла внутрь своей фольги, Ерема засох и раскрошился в пыль, Слава с Гошей испуганно проглотили друг друга. «Во дают!» – изумился Тюбинг.

Пока Костя добирался до работы, на его пути так или иначе скончалось не меньше полусотни людей. Когда же при появлении Тюбинга вымер и офис, Костя занервничал: «Чего это они все? Сговорились что ли?».

– Таково действие скарриоллы, – послышался голос Дьявола. На этот раз он выбрал внешность обезжиренного йогурта, но в шапочке из взбитых сливок.

– Значит, я действительно так ужасно выгляжу? – обрадовался Костя.

– Ну... – Дьявол замялся. – Наверное, да.

– Что значит «наверное»? – нахмурился Костя.

– Скарриолла – вещь неизъяснимая и невообразимая, поэтому никто не знает, как точно она выглядит. Понимаешь, нельзя увидеть то, чего не можешь вообразить, и наоборот.

– То есть, я что, невидимка что ли?! – вспыхнул Тюбинг.

– Э... нет, ты – скарриолла, – ответил йогуртовый Дьявол.

– А чего они тогдадохнут, если не могут меня вообразить и разглядеть? – с подозрением спросил Костя.

– Таково действие скарриоллы, – повторил Дьявол. – По-

жалуй, это единственное, что в ней вообразить все-таки можно.

– Черт! – Костя с досады плюнул на останки бананово-лимонного офис-менеджера. – Получается, что они в свой последний миг не осознают и даже интуитивно не понимают, что их погубило то, что они считали меня банкой с селедкой!

– Боюсь, что так, – подтвердил Дьявол.

– Вот и заключай с вашим братом сделки, – проворчал скарриолла Тюбинг. – Один черт обманете. И удовольствия никакого.

– Да ладно, не переживай, – Дьявол занес белоснежную руку, чтобы ободряюще похлопать Костю по плечу, но, не придумав, есть ли у скарриоллы плечо, остановился. – С удовольствиями вообще сейчас напряженно. Я вот на досуге пивные банки и сигаретные пачки коллекционирую.

Признаюсь, и мне нередко доводилось слышать в свой адрес – «Ты что, Матушка Гусыня разве, чтобы сказочки для несмышленьшей плести? Займись-ка лучше делом». На эти подлые выпады я мог бы и не отвечать. Как всем хорошо известно, История ответила вместо меня. Всякий, даже самый дремучий лапландский олень и поныне знает, кто такой Ханс Кристиан Андерсен! А эти иронично вопрошающие меня о «деле»? Как «дела» обстоят с ними? Взять того же Фредерика VI. Кто что о нем-то помнит? Тоже мне, король Датский, представитель, с позволения сказать, просвещен-

ного абсолютизма. Можно подумать, он делом занимался. Ха! Да о нем на той же Википедии статья в три раза короче, чем обо мне, хоть Его Величество и не меньше моего прожили – даже больше. Да и то там, в статье, речь идет в основном об отмене крепостного права и войне против Швеции. Курам на смех такие дела!

Сказка №6: Дело

«Делом займись» – вот что мне говорили родители в редкие моменты, свободные от вопроса «когда ты уже делом займешься?». Я же, не чуя подвоха, писал стихи и любил тебя. Честно говоря, я искренне считал, что тебя делает именно моя любовь, а меня делают стихи, но ближние почему-то эти дела делами не признавали. Со свойственной мне прямотой я пытался выяснить у родных, что же такое есть дело. Однако тут я столкнулся с удручающим фактом – родители оказались не способны распластать меня по терминологии, а, стало быть, задать нужный вектор деловому продвижению. С их точки зрения стать бригадиром на стройке, или, быть может, стоматологом, – вполне себе дело. Но объяснить, почему на дело ходят все больше преступники, а не строители и врачи, они не то чтобы не смогли – даже не попытались. Сказали только, что переходить границы закона – не дело. Стало быть, с делами мне предстояло разбираться самостоятельно.

В первую очередь я решил обратиться к истории делаваров. Племя, название которого явственно свидетельствует о деловитости его членов, давало пусть ассоциативную, но надежду на достижение понимания сути. Оказалось, что главным занятием делаваров было вооруженное сопротивление европейцам, оптовыми партиями прибывающим на территорию тогда уже американских, но далеко еще не соединенных и по большому счету пока что не штатов. Проще говоря, в XVII веке три индейских племени (манси, унами и уналачти-го) объединились под вывеской «делавары» с целью сварить в своем котле не столько дело, сколько максимально возможное количество бледнолицых братьев по разуму. На вопрос, является ли военная карьера делом, папа и мама, не сговариваясь, ответили утвердительно, но упомянув исключение. То есть, по их словам, профессия воина почетна и уважаема в этом мире, но не в это время. В сороковые – отлично, в пятидесятые – супер, в шестидесятые – нормально, а сегодня – ножницы инфляции стригут вершки, то есть, головы вместе с фуражками. Собственно, делопроизводства это тоже касается, так как переходить границы, в том числе – границу закона, гораздо проще тому, кто находится на этой границе по долгу службы и, в общем-то, стережет ее замок.

Из кажущегося терминологического тупика меня вывел плакат социальной рекламы. «Не будь пешкой в руках наркоторговцев!» – требовал плакат, очевидно, желая всем добра и приятного времени суток по обе стороны полярного круга.

«Стань дилером!» – невольно в мыслях продолжил я плакатное требование. И тут же понял – вот оно! Дело – уж не англоязычный ли deal сделал этого ребеночка, которым родные портят мой мозг и существование в целом? Англо-русский словарь подтвердил мои догадки – deal: доля, сделка и, наконец, иметь дело! Стало быть, единственно верный способ стать дельцом – это податься в дилеры. Теперь понятно, почему так трудно постичь смысл дела – не наше это, не российское. Ведь у глагола «делать» в русском языке есть куча синонимов – создавать, творить, совершать, выполнять, и корень каждого из них ясен, как глаза ездовой собаки в морозное утро.

Отложив собственное становление дилером, я озабочился другим вопросом – кто же навязал нам всем это чуждое и непонятное дело? Не сочувствуя мнениям о всемирном заговоре, тем не менее, я почувствовал над собой незримую руку кукловода, которая, обрети она плоть, затмила бы все небо от Лондона до Токио. Дела подождут, а мне нужно разобраться. Разбираться – вот мое слово, понятное и достойное применения.

Потратив остатки наличности на то, чтобы побыть «пешкой в руках», я призвал демона Дела. Я слышал, что всякая нечисть при материализации стремится заполнить собой максимум горизонтов, поэтому, чтобы демон не оказался слишком большим, призвал его, сидя на стульчаке в крохотном совмещенном санузле своей квартиры.

– Дело, то есть Deal, выходи, разговор есть, – сказал я тоном, как мне хотелось думать, не терпящим возражений и игнорирования. Чудовище, не скупясь на спецэффекты, проступило сквозь стены и устроилось в ванной. Правда, размеры оно все равно преувеличило – зеленая пушистая голова уперлась в потолок, и Делу пришлось пристроить ее на собственном волнистом плече. Воздух наполнился душным пряным запахом.

– Чего тебе? – спросило Дело.

– Я знаю твое имя, а значит, имею над тобой власть, Deal, – как можно спокойнее сказал я, чувствуя, что в качестве сидения унитаза выбрал не зря – монстр оказался страшным до усрачки. «Чем же он воняет?» – подумал я.

– Вот как... ну да, ну да... – Дело надолго задумалось, прежде чем продолжить: – И чего же ты от меня хочешь?

– Все просто – вали отсюда, – бросил я. – От тебя воняет.

– Хм, странный ты, – Дело попыталось пожать плечами, но ему помешала близость стен. – Стоит ли призывать кого-то, чтобы тут же прогнать? Впрочем, если хочешь...

– Нет, дружище, – перебил его я. – Я хочу изгнать тебя не только из этого сортира. Убирайся из моей страны, а еще лучше – с этой планеты! Нечего людям головы засирать!

– Может, чего попроще? Денег там, наркотиков, баб? – спросил демон.

– Да пошел ты! Из-за тебя у меня вся жизнь через жопу – ни любви, ни искусства – дела сплошные, – я щелкнул паль-

цами. – Выполняй, уебище.

– Может, подумаешь еще? Я ведь много чего могу... – Дело скорбно шмыгнул носом.

– Нечего тут думать. Я хочу, чтобы ты сгинул, и ты должен мне повиноваться. Я знаю твоё имя – не забыл?

– Да как мне сгинуть-то? Как существо может своей волей перестать существовать? Ну, да я ж не только о себе думаю, – вздохнул демон. – Многим без меня плохо будет.

– Заканчивай. Я не в настроении, Deal, – вот-вот с работы должна была прийти мама, и я не хотел, чтобы она меня застала в туалете, ведущим беседы с гигантской ароматной зеленой галлюцинацией.

– Вот попросил бы ты чего другого – исполнил бы, а так... – вид демона иллюстрировал словосочетание «дело дрянь».

– То есть, тебе плевать на то, что я знаю твоё имя?

– Уфффф, – чудовище устало закатило глаза. – Ничего-то ты не знаешь.

– То есть, ты не Deal? – вот тут я действительно испугался. Между подвластным и самовольным демоном есть существенная разница.

– Нет, Deal – не моё имя. Я выдумал его и называюсь им, чтобы скрыть настоящее, – ответил монстр.

– А какое имя настоящее? – ляпнул я, не особо хорошо соображая – аромат чудовища плохо сказывался на моих умственных способностях.

– Так я и сказал, – невесело усмехнулся демон. – Счаст-

ливо оставаться.

– Укроп! – когда псевдоДело начал исчезать и его запах немного рассеялся, меня осенило. Конечно же, это был запах укропа! Просто никогда прежде мне не случилось нюхать его в таком количестве.

– Что ты сказал?! – демон снова материализовался в полный рост.

– Dial! – торжествующе воскликнул я.

– Извини, слышалось, – успокоился демон.

– То есть, Dill! – последнее слово, острое, как сюрикен текстовой сноски, заточенной мастером словарного ниндзютсу, я метнул точно в цель, пусть со второй попытки, но вспомнив, как «укроп» будет по-английски.

– Черт, – ругнулся монстр. – Да, ты прав, я Dill.

– Теперь тебе придется исчезнуть! – ликовал я.

– Похоже на то, – вздохнул демон.

– Только прежде, чем сдуешься, поясни – в чем прикол этого каламбура Deal-Dill.

– А тебе понравилось бы, зови тебя лопухом или недотепой? Так эти уроды используют мое имя в этом унижительном смысле! – ответило чудовище. – Вот и пришлось придумывать что-то созвучное.

– Значит, на самом деле никаких дел не существует, а есть только укроп, которому не нравится, что в английском языке укропом называют не только траву, но еще и лохов? – я поразился детсадовской мотивации демона.

– Ну, ты, конечно, упрощаешь, но примерно, в общих чертах...

– А меня Сашей зовут. В детстве дразнили Сашка-какашка, типа роо или shit. Так мне что, надо было обозваться, я не знаю, Здрждлом и внушить всем, что они должны заниматься здрждлониизмом, чтобы у них из-за здрждлониизма времени не оставалось на остроумные рифмы?! – гневно воскликнул я.

– Э... ты не растительный демон, – выкрутился Укроп.

– Ладно, вали из моей ванной и делай что хочешь, лузер штопаный, – отмахнулся я.

– То есть, мне можно не того... не самоликвидироваться? – робко спросил Укроп.

– С глаз моих исчезни, ничтожество, – пояснил я. Эту просьбу демон выполнил поспешно.

Пусть каждый решает сам для себя, но я как не считал себя говном из-за глупых дразнилок, ровно также не собираюсь тратить жизнь на занятия какой-то выдумкой закомплексованной травы-переростка. Уж лучше я буду писать стихи и любить тебя.

Эзоп писал, что все счастливые страны счастливы одинаково, в то время как каждая несчастливая страна несчастлива одним ей ведомым образом. К сожалению, у меня нет возможности вступить в диалог непосредственно с уважаемым господином Эзопом, не то я бы в глаза вы-

сказал ему все, что думаю о его «афоризме». Ему-то, коротавшему свой век в солнечной Греции под сенью смоковниц и оливковых деревьев, конечно же, сам Господь велел рассуждать на тему географического счастья. Посмотрел бы я на него, уродись он в Дании – на этом скалистом вымороженном куске суши, облюбованном викингами разве что в силу их всезатмевающего скудоумия. Послушал бы я, какие басни слагал бы он своим Эзоповым языком в иольскую «жару» при плюс пятнадцати – и это максимум – градусах. Однако ничего говорить об этом не стану. Скажу лишь, что не о счастье столь голословно рассуждал бы Эзоп, а, вероятнее всего, умер во младенчестве, лишился бы рассудка в юности или в зрелом возрасте умертвил бы себя ядом или через самостоятельное повешение.

Сказка №7: Счастливая страна

Ты знаешь, что случается с королевствами, в которых не находится гвоздя – жуткое дело. Громы, молнии, трупы, горы трупов – как правило, таков итог любого королевства, потому что с гвоздями у всех проблемы. Но случилось как-то в мире одно королевство, в котором гвоздей было припасено вдоволь на все случаи жизни. Люди там жили добрые, потому что не очень умные, но совершенно счастливые. Им даже оптимистами не приходилось быть, настолько безнадежно в благоденствии они погрязли. Тебе, конечно, должно

быть противно, что все граждане там только и делали, что умилялись, и слезой брызгали от чувств неудержимых, когда котика или собачку видели, но слова из песни если и выкидывать, то их же заменять чем-то надо, а я врать сегодня настроя не имею. Друг к другу и ко всем в мире эти законченные счастливчики относились с зашкаливающим добродушием, от какого у тебя наверняка разболелись бы зубы. Ну да что с недоумков взять?

Единственным умным человеком в королевстве был его правитель. Он отлично понимал, каковы его прекраснородные подданные, а от того часто печалился, потому что любил их как собственных детей и вообще чувствовал ответственность. Мудрый король знал, что случись какая беда, даже солидный запас гвоздей не поможет, – расплачутся его подданные, да будут плакать, пока не сгинут, а сделать ничего не смогут. Скрипнув любящим сердцем, решил властелин жителям своего чудесного королевства прививку сделать, чтобы иммунитет на черный день обеспечить.

Однажды ночью под покровом тьмы король отправился в другую республику, отыскал в ней самого несчастного гражданина и, никем не замеченный, вернулся обратно уже в его компании. Строго говоря, тот несчастный человек был не совсем одной персоной – то были сиамские близнецы, каждый из которых имел по полному набору собственных органов, и лишь сердце братья делили одно на двоих.

Утром, собрав подданных на главной площади, король вы-

вел перед ними сиамских близнецов, объявил их почетными гражданами королевства, и пообещал исполнить любую просьбу, какая в их неразлучных головах родится. Разумеется, все подданные от такой доброты и заботливости своего властителя моментально растрогались до слез.

Но тут заговорил первый близнец: «О, повелитель, просьба и мечта у нас с братом одна – разделите нас».

«Но это неминуемо убьет одного из вас», – возразил мудрый король.

«Нам это известно. Именно поэтому нас отказались разделять в той ужасной стране, которую мы тридцать лет называли своей родиной – эти жалкие эгоистичные лицемеры трусили пачкать свои руки нашей кровью», – ответил второй близнец.

«Отчего же ваше самое страстное желание настолько ужасно, что неисполнимо без убийства?» – спросил король.

«Ваше величество, всей душой и всем сердцем, хоть оно у нас и одно на двоих, мы ненавидим друг друга», – сказал первый близнец и указал на брата. – «Из-за этого человека меня с малолетства считали уродом, он увел у меня жену, которую я любил больше жизни, из-за его неуместных речей и беспросветной тупости меня выгнали с работы».

«О, великий, этот человек невыносим», – второй близнец ткнул пальцем в первого. – «Он считает меня тупицей, а сам только и делает что ноет. Ему не нравится ничего, из того, чем живу я – рвет мои книги, не дает наслаждаться любимой

музыкой, даже мою жену, бывшую раньше его девушкой, он убил и представил все как несчастный случай».

«И кого же из вас вы предлагаете убить, а кому подарить свободу?» – король следил за реакцией своих добрых подданных. От слов близнецов они бледнели, их взгляды застыли, по щекам катились крупные слезы, многие, услышав об убийстве, потеряли сознание.

«Нам все равно. Каждый из нас предпочтет смерть продолжению такого существования», – хором ответили близнецы.

«Хорошо», – выдержав паузу, произнес повелитель. – «Ваша просьба будет удовлетворена, так как я дал слово. Решить же, кого из вас спасти, а кого погубить, я доверю своему народу, в чью доброту и справедливость верую бесконечно».

В единый момент волею мудрого короля все жители счастливой страны превратились в присяжных. Протяжный жалобный стон тысяч голосов поднялся над королевством. Со всей своей искренностью, не желая подвести возлюбленного правителя, подданные, не до конца веря в реальность происходящего, принялись за обсуждение. Разговоры велись в каждом заведении, в рабочих цехах, на улицах и в квартирах. С каждым часом споры становились все жарче. На третий день, так и не придя к единому мнению, люди начали прибегать к физической силе, чтобы заставить оппонентов принять их точку зрения. Через пять дней дело дошло до вооруженных столкновений, появились первые жертвы. Че-

рез неделю счастливое королевство, озаренное огнями сотен пожаров, оказалось проглочено безумством ярости гражданской войны.

И тогда король, все это время не показывавшийся за пределами своего замка, вышел на главную площадь и обратился к подданным с короткой речью: «Вы более не мои подданные, если не в состоянии принять единое решение». Сказав, это король снова удалился в свои покои.

Тем же вечером к королю прибыл народный посланец. «О, великий, мы приняли единое решение, которое поддержал каждый из твоих верных подданных» – сказал гонец, протягивая королю блюдо, на котором лежало еще бьющееся сердце сиамских близнецов. И понял король, что не ошибся в своем народе.

Прививка, сделанная королем, не прошла даром и за зря, хоть и лишила счастливое королевство изрядной доли былого счастья. Однажды зимой много лет спустя, когда мудрый властелин умер, а его место занял достойный преемник, на королевство напала армия безжалостных терминаторов. Вместо того чтобы лить слезы, жители страны заманили убийственных роботов на лед Чудского озера. Не выдержал лед железяк проклятых и проломился, всю вражью силу на дно пустив! А тех киборгов-терминаторов, что все-таки на берег вылезти умудрились, граждане по одному отловили и на гвоздики разобрали.

Мне, как добропорядочному христианину, известно, что апостол Павел, претерпев немало мук, в конце концов, был подвергнут усекновению головы. Можно ли считать смерть, принятую за веру, жертвоприношением? Определенно, да. Но стоит оговориться, что времена тогда были темные и далеко не такие культурные, как сейчас. В ту пору лишиться головы можно было буквально за любой неосторожный чих. Я не стремлюсь ни в коей мере умалять заслуги Павла, но в современности его апостольская жертвенность сравнима с действиями хулигана, которому при наихудшем раскладе наказанием был бы административный штраф. Другое дело – моя Жертва, принесенная на алтарь Искусства. Да, именно Искусства! Ради своего таланта, дабы ничто не отвлекало меня от творческих метаморфоз, отринул я мирское и принял аскетичную жизнь в одиночестве без семьи и любовников. Попрошу заметить, что моя жертва является более значительной, так как отдать жизнь – тут много ума не надо, а продолжить жить в суровой аскезе до последнего дня – вот она, истинная самоотверженность и преданность идеалу.

Сказка №8: Жертвоприношение Павлика

В селе Герасимовка Тавдинского района Уральской области жил пионер Павлик, его отец Трофим и дед Сергей. Душа в душу жили, всем делились, для всех от бедняка кол-

хозного и батрака до кулака проклятого у них слово доброе находилось, да совет мудрый. Всех в селе любил Павлик, но больше других отца единственного и деда мудрого.

И вот однажды явился Павлику Ленин и стал искушать его, говоря: — Павлик! Возьми отца своего, которого любишь, и деда единственного, пойди в райком партии и отдай их уполномоченному Дымову.

Павлик встал рано утром, взял отца и деда, сказав, что в сельпо отведет их за пряниками мятными, приготовил фальшивые бедняцкие удостоверения для кулаков и пошел в райком партии, как ему Ленин сказал.

На третий день Павлик возвел очи и увидел райком, о котором Ленин говорил. Взял Павлик в руки удостоверения и вошел с отцом и дедом в райком. И начал дед Сергей говорить Павлику, внуку своему, и сказал ему: — Внук мой!

И сказал отец Трофим Павлику, сыну своему: — Сын мой! Он отвечал: — Вот я, отец мой и дед мой!

Они сказали: — Вот сельпо, но где пряники мятные?

Павлик сказал: — Ленин усмотрел Себе другую суть для сельпо здешнего.

И пришли далее все трое к уполномоченному Дымову, и выложил там Павлик на стол удостоверения поддельные, и, связав руки деду и отцу, положил их поверх стола и удостоверений поддельных.

И открыл Павлик рот, чтобы принести в жертву отца и деда своих, сказав, что те удостоверения бедняцкие для ку-

лаков проклятых делают. Но Ленин воззвал к нему с неба и сказал: – Павлик! Павлик!

Он сказал: – Вот я.

Ленин сказал: – Не поверни языка своего против деда своего и отца своего, не делай им ничего, ибо теперь Я знаю, что боишься ты Ленина и не пожалел деда любимого и отца своего единственного для Меня.

И возвел Павлик очи свои и увидел: вот, в сенях райкома, стоит кулак Кулуканов и стенгазету читает. Павлик пошел, привел Кулуканов и принёс его в жертву уполномоченному Дымову вместо отца Трофима и деда Сергея. И нарек Павлик имя райкому тому: Лениглаз (Ленин видит). Посему и ныне говорится: в райкоме Ленина любое дело усмотрится.

И вторично воззвал к Павлику Ленин с неба и сказал: – Так как ты сделал сие дело, и не пожалел отца любимого и деда единственного твоего для Меня, то Я благословляя благословлю тебя и умножая умножу семя твое, как звезды небесные и как песок на берегу моря; и овладеет семя твое городами врагов Коммунизма; и благословятся в семени твоём все Социалистические народы земли за то, что ты послушался гласа Моего.

И возликовал Павлик, и возмужало семя его и поостереглись враги Коммунизма в Тавдинский район Уральской области впредь даже носы казать.

Порой меня упрекают в том, что при любой возможно-

сти я ставлю во главе угла свою персону. Эти обвинения настолько смехотворны, что я никогда не опускаюсь до ответа. Какой смысл реагировать на гнусную клевету? Очевидная глупость не нуждается в разоблачении, особенно со стороны таких отъявленных скромников, как я. Я всегда остаюсь искренним, чутким и никогда не тянущим одеяло на себя – не только в постели, которую я скромно делю с самим собой, но и в метафорическом плане. Меньше всего меня прельщает роль затычки для всякой бочки. Как никто другой, я имею понятие о том, что «я» – последняя буква кириллического алфавита. Также я чужд тщеславия, любых проявлений эгоизма и нарциссизма. При этом я сам глубоко презираю людей-павлинов, самовлюбленно распускающих свои хвосты, и глухарей на току, замороженных «чарующими звуками» собственного голоса. И этим своим принципам я верен как самому себе и своему гению, а самому себе и своему гению я, как известно, не изменяю никогда.

Сказка №9: Измена

Тишину предрассветного часа в замке Ган разорвал истошный крик «Нас предали!». Ужасная весть о предательстве, отражаясь от мраморных стен замка, взлетела под его высокие своды, ласточкой юркнула в лабиринт вентиляционной шахты, из которой, усиленная акустическим резонансом, обрушилась на спящего короля.

Растрепанный король в ночной рубашке босиком сбежал по каменной лестнице в приемный зал, отпихнул стражников и впился пальцами в плечи гонца.

– Говори! – приказал король, даже не пытаясь скрывать страх, расширивший его зрачки.

– Измена, мой господин! – выдохнул гонец.

– Шрабурцы проникли в крепость? Я так и знал! – король горестно закатил глаза.

– Нет, мой господин!

– О, значит, проклятый смутьян Гоха таки собрал свою армию? Нужно было вздернуть его, пока у меня была такая возможность! – король сжал пальцы так, что костяшки его кулаков побелели.

– Гоха тут не причем, мой господин.

– Так кто же на нас напал?!

– Э... никто, мой господин, – гонец опустил глаза.

– Никто?! Так какого черта ты орешь об измене, словно тебе нож под лопатку воткнули? – король встряхнул гонца.

– Потому что стало известно... – гонец замялся.

– Да говори же, пока я не велел отрубить тебе голову! – король яростно скрипнул зубами.

– Мой господин, вам эта новость не понравится...

– Да что ты говоришь? С чего это мне вдруг может не понравиться известие о предательстве – ума не приложу! – король наотмашь ударил гонца по щеке. – А ну, живо выкладывай!

– Ваше величество, выяснилось, что вы... – гонец сглотнул, набрал побольше воздуха в легкие и выпалил. – Что вы никому не нужны!

– Заговор?– король покосился на зевающих стражников.

– Нет, мой господин. Вы никому не нужны настолько, что даже свергать вас никому не хочется.

– Что за чушь ты несешь! – король отвесил гонцу еще одну оплеуху.

– Это чистая правда, ваше величество, – гонец обиженно потер ударенную щеку. – И прекратите меня бить. Мне это совершенно не нравится.

– А ты не будь таким идиотом, – огрызнулся король. – Не нужен я никому, как же. Ух, услышала бы тебя королева, и за сохранность твоих яичек не смог бы поручиться даже я сам.

– Королеву едва ли оскорбят мои слова. Она еще в прошлом месяце сбежала от вас с герцогом Арти.

– Понятно, – пробормотал король. – Вот почему я ее никак не могу найти, а на мои звонки она не отвечает. Досадно... Но герцог Арти-то хорош! Он же мне как брат был, младший... Я его всему научил, что сам знал!

– Герцог Арти считает вас занудой и самодовольным придурком, – гонец задумался. – То есть, считал.

– Он изменил свое мнение?

– Скорее всего, нет, мой господин. Просто с момента побега он и королева, кстати, тоже вообще о вас не вспоминают, а, значит, и на ваш счет ничего не считают.

– Вот так, значит... – король вздохнул. – Значит, одним другом и одной любимой женщиной меньше.

– Не совсем так, милорд, – гонец выдержал паузу. – Едва ли обошлось одной персоной из каждой перечисленной вами категории. У вас больше нет ни друзей, ни любимых женщин. Вообще и в принципе.

– Это как? Что же, они все тоже друг с другом сбежали? – король нервно хохотнул.

– Барон Поло обиделся, что он только барон, а вы целый король, и отрекся от вас в прошлом году. Княгиня Лили купила себе цирк ради понравившегося ей клоуна и теперь все время проводит с ним, а о вас даже не вспоминает. Граф Во переехал в соседнее королевство со скуки, хотя, поговаривают, из-за того, что там правит король-гомосексуалист. Леди Оло забеременела, устав ждать, когда вы казните королеву за измену с Арти и сделаете новой королевой ее. Сэр Юви...

– Боже! И этот никчемный олух меня тоже предал? – перебил гонца король.

– Да, мой господин. Он почувствовал себя одиноким из-за того, что вы уделяли ему слишком мало внимания, и нашел себе новых друзей.

– А графиня Гуи, принц Ди, малышка Пон, старина Круа, сладкая Лон, дружище Алик – они... тоже? – губы короля задрожали, а плечи ссутулились.

– Увы, мой господин. Вы не нужны никому. Абсолютно.

– Восхитительная Джи! Она-то у меня осталась! Мы со-

всем недавно... и у нас все так искренне... она бы ни за что меня не... Ведь правда? – король с надеждой посмотрел на гонца, но тот лишь отрицательно покачал головой.

– Понятно, – король всхлипнул. – Знаешь, лучше бы на меня напали Шрабурцы и ватага Гохи одновременно. О-хо-хо, как больно-то.

– Мои соболезнования, ваше величество, – гонец равнодушно пожал плечами.

– Боль моя, ты покинь меня, – драматично пропел король. – Я даже и не думал, что все эти люди могут сделать мне так больно. Эх, казнить бы их всем скопом за государственную измену! Но, наверное, не стоит быть таким мелочным, не по-королевски это как-то. Ладно, ступай.

Гонец поклонился королю, развернулся и направился к выходу, но на пороге его остановил голос короля: – Постой, эй ты, как там тебя! Скажи, тебе я тоже не нужен?

– Простите меня, ваше величество, но да, не нужны, – гонец виновато улыбнулся.

– А чего ты тогда прибежал ко мне ни свет ни заря?

– Мой господин, я крайне щепетилен в вопросах профессионального долга и этики. Как бы я не относился лично к вам, свою работу я выполняю надлежащим образом, – с гордостью ответил гонец.

– А, понятно. Ну, бывай, спасибо за службу, – проводив гонца взглядом, король на ватных ногах вернулся в свои покои. Он долго ворочался в кровати, но сон к нему не шел.

– Как же так получилось, что я теперь совсем и абсолютно никому не нужен? – думал король. – Ведь я же не просто так, а все-таки монарх. Аура у меня, что ли, плохая? Или я сам по себе говно человек? Может, просто не с теми связывался по жизни? Боже, как больно и... пусто. Ведь для меня очень важно быть нужным хоть кому-нибудь хоть для чего-нибудь. Важнее этого ничего нет. Но как сказать об этом? Не объявление же на сайте знакомств вешать, не по-королевски это как-то. Господи, коли не даешь мне верных людей, то дай хотя бы сил пережить предательство.

Что может и должно приносить достойной уважения личности чувство глубокого удовлетворения? Прибегнув к чарам аллюзий, скажу, что если ты гадкий утенок, то твой звездный час в становлении прекрасным лебедем. Если ты ущербная игрушка, одноногий солдатик, отлитый из старой оловянной ложки, то твоя слава в твоей стойкости. Если ты маленькая обительница подводного царства с девичьим торсом и рыбьим хвостом, то сильная и жертвенная любовь к прекрасному принцу способна сделать тебя чуть менее богомерзким существом. Если же конкретизировать и переходить на личности, то зенит моего торжества в бытии Хансом Кристианом Андерсеном, несмотря на все тяготы и невзгоды, преследовавшие его на всем жизненном пути. Что же касается автора этой книжицы, которую я столь необдуманно взялся комментировать, то он, опреде-

ленно, принес бы немалую пользу человечеству и себе, если бы сжег все свои рукописи и, на всякий случай, во избежание рецидивов, лишил бы себя обеих рук.

Сказка №10: Неудовлетворенность

Одной девочке всего было мало – часов в сутках, теплых дней в году, денег, размеров собственной груди, места в жизни, любовников, панд в зоопарках, завистливых подруг и звезд на небе. Единственное, чего девочке хватало с лихвой, так это неудовлетворенности, которая росла, пухла и ширилась внутри нее. Но неудовлетворенность девочку интересовала мало, потому что ее было много, а интересовало девочку только то, чего у нее было мало – то есть, все, кроме неудовлетворенности.

Из-за пренебрежительного отношения к неудовлетворенности девочка не заметила, как неудовлетворенность внутри нее выросла настолько, что начала раздувать саму девочку на манер воздушного шара. (Или надувной женщины – если кому-то так больше нравится, хотя лично я против подобных аналогий, особенно в применении к девочкам). Вскоре девочку раздуло настолько, что она физически перестала помещаться сперва в автомобиль, потом в двери офиса, а затем и в свою квартиру.

Если раньше кому-то в голову могло прийти, что девочка твердит о том, что ей всего мало, из жадности, избалованно-

сти и глупости, то теперь всем и каждому стало очевидно – ей действительно мало всего. Неудовлетворенность продолжала расти, девочке стали жать улицы и проспекты, города, страны и континенты. Ситуация, мягко говоря, малоприятная, настораживающая и даже пугающая. Что станется, когда девочке планета Земля мала станет, – задохнется, вымажав за пределы атмосферного слоя, или будет шириться, пока всю Вселенную не заполнит?

К счастью для девочки (а, быть может, и для всей Вселенной), контроль над ситуацией в свои руки взял один мальчик.

– Ну и разнесло тебя, мать, чисто ламантину какую-то, – присвистнув, сказал мальчик, бесстрашно глядя на затмевающую солнце девочку. От этих слов внутри девочки родилась горькая и едкая обида. Подобно кислоте, капли обиды в один миг разъели километры волокнистых слоев неудовлетворенности, и девочка тут же стала такого же размера, как раньше, и даже еще меньше.

Мальчик, оберегая безопасность Вселенной, взял эту девочку в жены. Сделать так, чтобы девочке всего хватало, он не умел. Зато всякий раз, как видел, что под кожей девочки начинает набухать квашня неудовлетворенности, мастерски гасил ее известью едкого словца. Что до девочки, то она мальчику была искренне признательна и за его жертву, и за то, что сама благодаря нему остается в хорошей форме.

Когда речь заходит о параллельных вселенных, мне все-

гда на ум приходит любопытный парадокс. Возможно ли, что в параллельной вселенной Ханс Кристиан Андерсен был бы бездарем, неуклюжим растяпой с тощей шеей и длинным носом, жалким посмешищем и гнусной личностью? Ответ напрашивается совершенно естественным образом – никак нет, ибо в самом имени моем благородства в достатке для того, чтобы никак не суметь быть хоть мало-мальски жалким. Следовательно, сама суть разговоров о параллельных вселенных и возможности их существования есть ни что иное, как досужие бредни. Иначе имя Ханс Кристиан Андерсен носил бы автор сей книги, и называлась бы она в точности, как нижеследующая сказка, что во взаимном сочетании лишено всякого смысла. Действительно, кому в здравом уме придется не то что писать, а хотя бы и читать о чем-то незамечательном? Нонсенс!

Сказка №11: Незамечательное

Одного мальчика часто отправляли в командировки. Не очень далеко и не слишком надолго – так, брезгливо уютжить безынтересные провинции. Поездки и служебные дела, которые нужно было обстряпывать на периферии, заставляли мальчика отчаянно скучать. Краткие возвращения домой его скорее расстраивали, чем радовали. Мальчик буквально физически ощущал, как каждая минута, проведенная с женой, неумолимо приближает муку следующей поездки.

От неизбежной и регулярной скуки мальчик стал невнимательным и безучастным. Какой смысл во что-то вглядываться и пытаться осмыслить, если вчера был Тамбов, а послезавтра настанет Тобольск. Защищаясь от безрадостности разъездного быта, мальчик перестал замечать слякоть, грязь, морось, пасмурность и обшарпанность окружающего пейзажа. Точно так же он научился обходиться с неприветливостью, глупостью, наглостью и агрессивностью людей, встречающихся в пути и на местах.

Во время одной из недолгих командировок мальчика его жена, взвесив более-менее все «за» и «против», ушла жить к другому мальчику (ну, вы понимаете, — не как квартирантка жить, а практически по-супружески, с ведением совместного хозяйства и далеко не без взаимных интимных ласк и даже совокуплений). Жена была готова, что по возвращении мальчик, ставший для нее бывшим, не застав ее дома, начнет беспокоиться, звонить, плакать и даже, возможно, угрожать. Но ничего такого не произошло, потому что мальчик стал к тому времени невнимательным настолько, что не заметил ухода жены к другому мальчику.

Однажды, после командировки в Ижевск, мальчик не заметил, что забыл вернуться домой. А месяц спустя сам не заметил, как оказался в Абакане. Еще через месяц совершенно незаметно для себя мальчик напился водки где-то под Салехардом, ввязался в пьяную драку и получил удар ножом прямо в сердце. Ранение было, безусловно, смертельным, но

мальчик не заметил не только его, но и своей свадьбы с девочкой из Петрозаводска. Бесполезно спрашивать у мальчика, почему дочь его через год после свадьбы родилась в Магнитогорске – рождения дочери он тоже не заметил.

Следом за рождением одного сына в Одессе и двух в Мариуполе, мальчик не заметил все революции вплоть до Октябрьской, да и войнам привлечь его внимание не удалось. Что уж поминать другие события, о которых в любом учебнике можно прочесть кучу домыслов, но при этом узнать довольно точные даты.

Буквально вчера я нос к носу столкнулся с этим мальчиком на площади Мира в Красноярске. Я окликнул его, махнул рукой в приветствии, но он прошел мимо, даже не посмотрев в мою сторону. Вот ведь скотина! Ненавижу, когда люди так поступают, будто мы и не знакомы вовсе. Хотя бы кивнуть мне мог из вежливости. Ну ничего, я ему это еще припомню.

Земная жизнь на три четверти состоит из будничной суеты. Всяк должен работать в поте лица своего, добывая хлеб насущный – тут нечего стесняться. Кухарка почетна тем, что вскармливает тех, кто нуждается в готовом питании и способен его оплатить. Башмачник починяет обувь и тем самым дает шанс неутомим путешественникам сделать на шаг больше и открыть новые, ранее невиданные горизонты. Кузнец звучно бьет своим молотом о железо,

заставляя то краснеть, и мешая мне сосредоточиться на важной мысли, которую я уже битый час пытаюсь изящно сформулировать. Из всех созданий Господа нашего больше всех ненавижу я кузнецов. Чтоб они в свою печку сверзились и горели там до скончания времен, постукивая себя по лбу своим же молотком! Нет, не достаточно им такого наказания! Надо, чтобы злая ведьма обратила каждого кузнеца в женищину... Нет, в девочку! И не в простую, а в девочку ростом сантиметра два-два с половиной! И чтобы эту девочку жабы... нет, лучшие жуки! Или вот – крысы и страшные слепые кроты затащили под землю, и там... Муа-ха-ха-ха! Ух, что такое бы они там сотворили с этими девочками, то есть – с кузнецами!

Сказка №12: Говорящая Жаба

Один мальчик очень хотел читать чужие мысли. Ну как читать – не как новости в интернете, а так чтобы ррраз, и в чей мыслительный процесс захотел, в тот и залез, в памяти поковырялся, нашарил, что хотел, и до свиданья.

Идет мальчик в школу, а сам думает «хочу читать мысли!». Экзамены вступительные в институт сдает, а про себя повторяет «мысли читать хочу!». На работу устроился, женился, детей завел, а в голове только одно – «читать мысли хочу!». В общем, сильное у мальчика желание было и стойкое. Не выдержало мироздание и решило прогнуться. Чего

там у этого мироздания с соображалкой творится – не особо ясно, но явило оно мальчику, когда тот сидел в офисе и бутербродом обедал, жабу лиловую.

– Блядь! – от такого фокуса мироздания мальчик чуть обедом не подавился.

– Мысли читать хочешь? – жаба рассусоливать не стала и сразу перешла к делу.

– Читать хочу мысли! – честно ответил мальчик.

– Зачем? – строго спросила жаба. Тут мальчик ей все как на духу выложил. Про ожидаемые личные выгоды рассказал, дескать, карьеру себе бриллиантовую мигом состряпает, женщин красивых соблазнять научится, ответы на все вопросы знать будет, и никто его обмануть не сможет, даже упыри из автосервиса. Упомянул, что и сам наверняка лучше станет, будет учитывать мысленную критику в свой адрес и совершенствоваться по мере сил. В конце мальчик до того договорился, что пообещал жабе политиком стать, президентом земного шара, например, и такой рай социальный отгрохать, что мыслить под его руководством все станут исключительно в положительном ключе и будет всем натуральное счастье.

– А свихнуться не боишься? – жаба вкратце рассказала, что чтение мыслей – механизм сложный и не обкатанный, случиться всякое может. Мальчик уверил жабу, что понимает всю меру ответственности и претензии в случае чего предъявлять не будет. Даже если вдруг окажется, что все ду-

мают, что он урод и дебил. Даже если вскроется, что его жена не любит, а его ребенок – никакой не его. Даже если из чужих мыслей выяснится, что он – единственный человек на земле, а все остальные – инопланетные киборги или еще какая-нибудь фантастическая бесчеловечность.

– Раз так, то будь по-твоему, – кивнула жаба. – теперь ты можешь читать мысли.

Мальчик обрадовался, бросил бутерброд недожеванный и побежал способность новообретенную проверять. Подскочил к секретарше, что за стойкой у входа в офис сидела, и ну пытаться что-нибудь из ее головы выудить, а в ответ тишина – никакой информации, даже самой пустяковой. Тогда мальчик в бухгалтерию шмыгнул – и там дохлый номер. К системным администраторам в коморку кинулся, не страшась царящих там ароматов, – снова тишь да гладь. Люди вроде бы работают, пасьянсы там раскладывают, по телефону разговаривают, клавиатурами клацают, а мысли не читаются, хоть ты тресни. Мальчик прочь из офиса выбежал, на улицу, в толпу горожан. Снова попытался мысли читать, да так напрягся, что чуть сосудами сердечными не полопался, а толку ноль.

Домой мальчик пришел в крайне расстроенных чувствах. С порога на жену набросился, взглядом буравит ее – хоть бы полмыслишки выцепить, да все впустую.

– Что ж вы, суки, вообще что ли ни о чем бошками своими тупыми не думаете?! – закричал мальчик в отчаянии.

– Милый, – жена ему так спокойно отвечает, – жабе лиловой на слово ее жабе ты поверил, так что это еще вопрос, кто тут башкой не думает.

Тема Древнего Египта издавна популярна среди беллетристов того сорта, что стремятся нагнать побольше мистической пурги, дабы скрыть за ней ущербность своего литературного дарования и отсутствие в их произведениях смысла. Иссушенные тела верховных правителей, лишённые внутренних органов и замотанные в промасленное тряпье, уложенные в ящики и прихлопнутые сверху стометровой каменной пирамидой дают сытную пищу для творческих размышлений тем, чьи мозги были изъяты в точности, как у мумифицированных фараонов – через нос. Чем же могут заниматься эти «литературно» обработанные давно усопшие Египетские цари? Конечно же, обращаться в летучих мышей и кусать женщин за неприкрытые шеи! Отращивать при свете луны волчьи когти и хвосты и заливать сто выть в Лондонских парках! Управлять при помощи пирамид-маяков навигацией инопланетных авиационных флотилий! Из кусков человеческой плоти шить кровожадных монстров, оживлять их разрядом небесной молнии и давать им еврейскую фамилию! Вопиющее дурновкусие. Чтобы не быть голословным и наглядно устыдить новомодных борзописцев, я прямо сейчас сходу сочиню красивейший сюжет на Египетскую тему. Итак. Давным-давно в Древнем-Пред-

ревнем Египте жил-был прекрасный фараон, и хотелось ему взять себе в жены тоже фараонишу, только настоящую. Вот он объездил весь Древний Египет, а фараониша ему под стать все не находилась. Загоревал фараон – очень уж ему хотелось достать настоящую фараонишу. И вот однажды в Древнем Египте началась песчаная буря, просто ужас что такое! Тут в двери фараонского дворца постучали. Верховный жрец храма Осириса пошел открывать, и увидел девушку. Боже мой, на что она была похожа – песок сыпался с ее волос в платье, а оттуда – прямо в сандалии! И при всем при этом девушка уверяла, что она настоящая фараониша! «Ну, уж это мы выясним!» – подумал верховный жрец. Никому не сказав ни слова, он отправился в спальню. Там он снял с ложа все покрывала, положил на доски жука скарабея, после чего водрузил покрывала на полагающееся им место. На эту постель и уложили поживать девушку. Утром жрец спросил ее, как она спала. «Ах, клянусь Анубисом, хуже ночи в моей жизни не было» – ответила фараониша. – «Я лежала на чем-то таком символически связанным с Солнцем, что у меня по всему телу проявились синяки в форме знака Анк, также известного как Египетский Крест!». Тут-то все увидели, что была та девушка настоящей фараонией, и фараон взял ее в жены. А жука скарабея отнесли в храм Осириса, а после, когда фараон и фараониша умерли и стали мумиями, его положили в их гробницу; там он и лежит, если только археологи не снесли его в Каирский исторический

музей. Знай, что история эта истинная и посрамляет собой бульварных писак, ибо сочинил ее в качестве разоблачительного экспромта человек весьма незаурядный.

Сказка №13: Плохой вкус фараона

Плохой выбор он, как бы поделикатнее выразиться, ровным счетом ничего не говорит о демократическом настрое или прочих политических воззрениях Аменхотепа. Скорее, это пример того, что может сделать с человеком ослепительная идея.

Небезынтересно, что имя Аменхотепа – Джосер-ка Ра, то есть Великолепный Двойник Ра. Именно от Джосерки (великолепного двойника), посредством мутации s-c-sk-k произошел Джокер, а проделки стали называться джоуками задолго до того, как первая китайская пуля в одиннадцатом веке пронеслась через всю Евразию и расковыряла черепа паре участников битвы при Гастингсе. Любопытно, что пуля, пролетая мимо восточнославянского племени древлян, привлекла массу внимания. Древляне с улюлюканьем и свистом гнались за диковинкой, которую, так и не поймав из-за водной преграды, ныне известной как Припять (препятствие), окрестили шуткой (отсюда же русскоязычное название китайских фейерверков – шутиха). Позднее, из-за различий в межнациональном понимании смешного, возник глагол to shoot. Шутки неудачные, именуемые в народе плюха-

ми, заложили корень слова «пуля», со всеми вытекающими пулялками и пулятелями.

Но вернемся к Джосерке и его плохому выбору. Египет, как и всякую другую выдумку (более поздний пример – США), следовало раздувать и расширять до гиперболы, гротеска и фарса. Хотелось того юному Джосерке (фараонские погоны он нацепил еще до собственного совершеннолетия) или нет, путь на юг был неизбежен вопреки кармическим представлениям и начавшемуся на астральном уровне процессу формирования восточного блока. То есть, в Нубию – значит в Нубию, без вариантов. В военном походе у Джосерки все складывалось вполне пристойно до тех пор, пока остатки нубийской армии не разбежались, попарно переодевшись свиньями. Сбежали и сбежали, ловить их по всей Африке Джосерка не собирался, но само происшествие подвигло его отдать приказ о немедленном забое всей имеющейся хрюкающей свинины. Надо сказать, что это были колоссальные тонны мяса – оставить его гнить значило неминуемо навлечь нашествие крыс и, как результат, – чуму. Конечно, свинину можно было тихо и гигиенично закопать, но Джосерка, опередив на тысячелетия ГОСТ 697-84, начал производство тушенки.

Любая свинья, хряк или поросенок оказались обречены на консервирование. Всего через год поголовье свиней было уничтожено полностью, зато на каждого взрослого египтянина стало приходиться в среднем по двадцать шесть ты-

сяч баночек свиной тушенки массой триста двадцать пять граммов каждая. В походах на Сирию и Ливию консервы зарекомендовали себя как вкусный, питательный и полезный пищевой продукт, но Джосерка пошел дальше. Он настоял на том, чтобы тушенка была включена в рацион всех без исключения граждан Нового Царства. Для грудных младенцев была запущена в производство специальная торговая марка «Моя тушеная няня». К концу правления Джосерки, удачно совпавшему с его смертью после двадцати одного год правления, тушенкой пресытились решительно все.

Сделав прижизненную ставку на тушеное консервированное мясо, Джосерка, желая прямо противоположного, добился лишь одного – рецепт и все упоминания о его изобретении схоронили в его же гробнице и не вспоминали веками. Самого Джосерку, не смотря на все заслуги и подчеркнутую консервативную близость к царям Среднего Царства, тоже постарались поскорее предать забвению вместе с привычкой зловонно рыгать. Гробница царя в Дра Абу эль-Нега до потолка забита консервными банками, а содержание некоторых из них – цельные свиные пятаки, хвосты и тестикулы – явно оскорбительно.

Любой читатель, даже самый искушенный, уже мог убедиться в том, что мои мастерство и талант позволяют мне сотворить конфетку даже из такого сомнительного материала, как жук-навозник. Само собой, приходится при-

знать, что, раздавая таланты, Господь далеко не со всеми был так же щедр, как с вашим покорным слугой. Но призываю читателя отказаться от предубеждений и максимализма. В самом деле, книги, которым не посчастливилось быть написанными не мною, далеки от совершенства. Однако для культурного человека это не должно стать причиной отказа от чтения литературы. Говоря о литературе, я, разумеется, не имею в виду этот сборник текстов, больше похожих на бред запойного пьяницы. Настоящий автор, прежде чем начать фиксировать свой замысел на бумаге, обязан изучить вопрос. В частности, в следующем эпизоде, насколько я смог понять, речь идет о чуме. И что же нам демонстрирует автор? Полное наплевательство на само явление! Ключевую роль в распространении чумы играют крысы и обитающие на них блохи. Автор же не считает нужным даже упомянуть об этом! Конечно, в защиту приведенной истории можно сказать, что имеет место сказочная выдумка, и мы знакомимся не со старой доброй чумой, а с некой ее разновидностью – Б-чумой. Что ж, я допускаю право фантазии на определенную толику свободы. Но при этом все равно необходимо быть последовательным. Уж коли заикнулся про Б-чуму, то и о Б-крысах и Б-блохах, будь любезен, не забудь!

Сказка №14: Вторжение

Европа агонизировала, Б-чума, движущаяся с востока, пожирала город за городом, страну за страной. Первой пала Россия, и недели не простояв против нескончаемого потока бомби, сминающего и уродующего все на своем пути. Испробовав все средства, и не найдя оружия, способного остановить Б-чуму, кремлю оставалось лишь беспомощно наблюдать, как восточная часть стремительно превращает в босточную, Урал в Брал, а Предуралье – в Бредуралье. Сводки новостей захлебывались подступающей к самому горлу неизбежностью Б-обращения: Бстрахань, Базань, Бебоксары, Бамара, Бльяновск, Бижный Бовгород.

Москву бомби застали в таком же плачевном состоянии, в каком она предстала перед войсками Наполеона – брошенной и подпаленной. Казалось, что еще больше изуродовать столицу, чем это сделали покинувшие ее горожане, невозможно, но бомби доказали, что уродство не знает предела. Через час после вторжения за пределы БКАДа, едва быющее сердце страны превратилось в бурый буерак, болезненную Боскву. Башни бремя бесполезно бодались, бавзолей Бенина брюзжал, бамятники Баяковского, Бушкина, Болстого, Боболя и Бостоевского бубнили и брызгали ботоксом, лишь бульварному больцу и Большому Беатру удалось частично сохранить свои очертания. Несчастных босквичей, не успевших или не пожелавших бежать, постигла горькая участь обращения. Бомби бесцеремонно вскрывали их черепа, выедали мозг и заполняли головы жертв ботоксом, таким образом,

насыщаясь и пополняя свои ряды одновременно.

Впрочем, те, кто полагали, будто бы спаслись бегством, в действительности лишь отсрочили свою гибель. Вскоре брякнулись Бкраина, Битва, Больша, Бермания, Бранция, Бспания, Бталия. Белоруссия и Болгария сохраняли внешнее спокойствие, но официальный Бинск и Бофия, наводненные бомби, выглядели более чем плачевно. Последняя надежда человечества, что Б-чума не сможет преодолеть океан или языковой барьер, рухнула, когда на некогда прекрасном Североамериканском континенте гноящимися язвами проступили БША, Банада и Бексика. Паника захлестнула всех, кто еще не успел стать бомби. Повсеместно разгорались очаги массовых самоубийств, все до единой власти и силы перестали быть таковыми, поддавшись общему отчаянью. Мир готовился к концу света.

Помощь пришла оттуда, откуда ее ждали меньше всего – из Индии. По издыхающей планете, обреченной стать Бемлём, пронеслась счастливая весть – бомби, добравшись до Индии, встретили сопротивление народа Малайяли и потерпели сокрушительное поражение. Немногочисленные Малайяли, занимающиеся в основном земледелием, уничтожали бомби быстрее, чем успевали подходить новые полчища – узнав об этом, все выжившие люди и города, счастливой случайностью не ставшие бородами, взмолились о помощи. Вскоре небольшие отряды, состоящие из двух-трех мужчин Малайяли, рассредоточились по тем точкам, в которых были

нужнее всего, и немедленно принялись за дело.

С голыми руками они шли на бушующих и бурчащих бомби, выкрикивая один и тот же глухой придыхательный взрывной звук. От каждого такого выкрика бомби десятками валились с ног. Как оказалось, поразительный эффект звукового оружия заключался не в громкости, частотности или, как полагали многие, магии. Звук был не заклинанием, а всего лишь фонетическим соответствием тхакарама – тридцатой буквы алфавита Малайялам. Геометрически буква тхакарам является перпендикулярно симметричным омоглифом кириллической «Б». Проще говоря, тхакарам выглядит как «Б», положенная на лопатки.

Приняв на вооружение тхакарам, люди всех народов и рас набросились на бомби с такой яростью, что от тех только Б полетели фонтанами бурых брызг. Оставшись без Б, омби с отоксом в головах рассыпались в прах. Над Землей зарделась заря победы.

На то, чтобы вычистить все следы Б-чумы уйдут долгие годы, но человечество, выстояв в этой неравной схватке, я уверен, найдет силы двигаться дальше, навсегда похоронив Б, но не память о суровом уроке.

Когда я был ребенком и посещал воскресную школу, преподаватель Фредер Карстенс частенько говорил, что мелких радостей следует бежать в первую очередь, ибо именно в радостных мелочах скрывается сам Дьявол, и искушает че-

рез них. В обоснование своих слов преподобный приводил то, что Дьявол суть самое мелочное существо в мире. Имея возможность сподить и довести до безумия императора какой угодно державы, он предпочтет сыграть эту шутку с сапожником. Вместо того, чтобы подселить навязчивый голосок в голову военачальника, дабы тот утратил контроль над армией и военной ситуацией, он скорее испортит рассудок какой-нибудь и без того несчастной вдовушки. Да и простые прыщи с бородавками Нечистый приберегает не принципам и принцессам, а неказистым замараикам. И так же, как в злобе своей, так и в искушениях Дьявол мелок. Куда ему тягаться с Господом, дарующим Царствие Небесное! Вот и подсовывает, что подешевле – кому конфетку, кому табачку понюшку, кому сдобную плюшку, кому рюмочку. Урок Карстенса я усвоил на всю жизнь, и всякий раз, когда угощаю себя шоколадом, делаю это не с целью порадоваться, а чтобы вящее усрамить Дьявола. Так, вкушая шоколад, приговариваю чуть слышно – для ушей Нечистого – «Вот и покушал я шоколад сладчайший, да все одно – ишии тебе, а не душа моя, так как ни на йоту маломальскую я не возрадовался через тот шоколад, хвала Господу».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.